

8. Алефиренко Н. Ф. Фразеология в свете современных лингвистических парадигм. М., 2008.
9. Алефиренко Н. Ф., Семенов Н. Н. Фразеология и паремиология: учебное пособие. М.: Флинта, Наука, 2009. 344 с.
10. Савенкова Л. Б. Русская паремиология: семантический и лингвокультурологический аспекты. Ростов-на-Дону, 2002.
11. Климович О. В., Фаткуллина Ф. Г. Фразеологизмы со значением «преступление» и «наказание» в русской языковой картине мира // Фундаментальные исследования. 2015. № 2 (часть 26). С. 5963–5967.
12. Беглова Е. И. Фразеологические единицы в антиномии «закон – преступление» в русской языковой картине мира // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2021. № 1. С. 165–172.

© Беглова Е. И.

УДК 811.161.1'276.2

Е. А. ПЕТРОВА, заведующий кафедрой иностранных и русского языков Уфимского юридического института МВД России, доктор филологических наук, доцент (г. Уфа)

E. A. PETROVA, head of the chair of foreign and the russian languages of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, doctor of philology, associate professor (Ufa)

ИССЛЕДОВАНИЕ ИНВЕКТИВНОЙ ЛЕКСИКИ В КОНФЛИКТНОМ ДИСКУРСЕ

THE INVESTIGATION OF INVECTIVE LEXICS IN CONFLICT DISCOURSE

Аннотация. В статье рассматриваются аналитические возможности новых парадигм внутри лингвистики, в частности, лингвокогнитологии, которая позволяет исследовать языковые единицы не только как инструмент коммуникации, но и как ментальные единицы, с помощью которых осуществляется формирование мысли. Подчеркивается, что возникновения конфликтной ситуации и конфликтного речевого действия обусловлено тем фактом, что коммуниканты вступают в словесную перепалку, тем самым умышленно унижая и оскорбляя друг друга. Акцентируется внимание на том, что конфликтному дискурсу присущи такие лексические единицы, как инвективы, содержащие в своей семантике отрицательную коннотацию и представляющие собой субъективную оценочную логему. В этой связи предлагается авторская парадигма классификации инвективной лексики. Исследуются когнитивно-ориентированные отношения, складывающиеся внутри конфликтного дискурса на примере инвектив, которые отражают познавательный аспект человеческой деятельности. Делается вывод о том, что инвективы представляют собой логико-речевые единицы. Отмечается, что наибольшее количество инвективной лексики отмечается в разряде зоосемантических фразеологизмов и метафор.

Ключевые слова и словосочетания: лингвокогнитология, дискурс, конфликтный дискурс, инвективная лексика, инвектива, языковая единица, речевая коммуникация, коммуникант, коннотация, оскорбление.

Annotation. *The article considers the analytical possibilities of new paradigms within linguistics, in particular, linguo-cognitology, which allows to study linguistic units not only as a communication tool, but also as mental units with the help of which the formation of thought is carried out. It is emphasized that the emergence of a conflict situation and a conflicting speech action is due to the fact that the communicants get involved in a verbal skirmish, thereby deliberately humiliating and insulting each other. The attention is focused on the fact that such lexical units as invectives, which contain negative connotations in their sense, and represent a subjective evaluative logeme, are inherent in conflict discourse. In this regard, the author's paradigm for the classification of invective vocabulary is proposed. The cognitively-oriented relationships are investigated developing within a conflict discourse on the example of invectives that reflect the cognitive aspect of a human activity. It is concluded that invectives are logical-speech units. It is noted that the largest amount of invective vocabulary is noted in the category of zoosemantic phraseological units and metaphors.*

Keywords and phrases: *cognitive linguistics, discourse, conflict discourse, invective vocabulary, invective, language unit, speech communication, communicant, connotation, insult.*

В последнее время все больше лингвистов обращаются к исследованиям в области лингвистической конфликтологии, которая изучает языковые конфликты, возникающие в речевом общении двух и более коммуникантов. Лингвоконфликтология представляет собой междисциплинарное исследование, поскольку она сопряжена с исследованиями нескольких научно-лингвистических парадигм: логико-когнитивной, психолингвистической, лингво-прагматической, когнитивно-дискурсивной и других. Объектом исследования лингвокогнитологии является конфликтный дискурс, т. е. субъект правовой коммуникации речевых действий и произведений. Источником конфликтного дискурса является речевой конфликт. От других дискурсов его отличают определенные особенности. Так, конфликтный текст, как правило, строится на некоем противоречии или конфликте между участниками акта общения. Одной из причин возникновения конфликтной ситуации и конфликтного речевого действия коммуникантов является неоднозначная интерпретация субъектами правовой коммуникации речевых актов, происходящих между ними. Следует признать, что особенно это касается конфликтного дискурса, вовлеченного в сферу юридической практики, например, при проведении лингвистических экспертиз. С юридической стороны важность исследования конфликтного текста обосновывается необходимостью защиты чести, достоинства и деловой репутации. Перед обвинением по подобным судебным делам стоит задача доказать не-

посредственную цель подсудимого – нанести ущерб чести и достоинства человека, и кроме того, распространение ложной информации. В данном случае именно лингвистическая экспертиза является одним из источников установления судебной истины.

В своей работе вместо термина «конфликтный текст» мы будем использовать термин «конфликтный дискурс» (от франц. discours – речь). Обоснуем свой выбор. В лингвистике ведется много дебатов о дихотомии текст – дискурс. Первоначально под термином «дискурс» подразумевали речь, что синонимично термину «текст». На современном этапе термины «текст» и «дискурс» интерпретируются по-разному (см. труды М. Я. Блоха, И. Р. Гальперина, А. И. Варшавской, В. И. Карасика, А. Е. Кибрик, И. П. Сусова, Т. А. ванн Дейка и других). Так, Н. Д. Арутюнова считает, что дискурс – это текст в совокупности с экстралингвистическими, прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами [1, с. 136]. Контент термина «дискурс» небезосновательно ассоциируется с когнитивными исследованиями. По мнению Е. С. Кубряковой и О. В. Александровой, анализ дискурса не может обойтись без изучения ментальных моделей, которые дают реальную основу для отбора нужной коммуникативной информации в стратегических целях построения как общих, так и частных семантических структур [2, с. 195].

На наш взгляд, исследование дискурса тесно связано не только с когнитивным, но и с логическим анализом, так как, исследуя

конфликтный дискурс, крайне важно выявить какую информацию передает та или иная языковая единица, поскольку в речевой деятельности информационно-языковой и речесмысловой уровни тесно переплетаются. Необходимо заметить, что на ментальном уровне мы осознаем конкретное содержание и цель коммуникации. Это можно объяснить тем, как мы ранее констатировали в своих трудах, что логичность как закон построения дискурса, действующий на поверхностном уровне, является одной из характеристик мышления, тесно связанной с речью, т. к. именно она служит предпосылкой построения логически правильного высказывания [3, с. 278].

Вывод о том, что дискурс – это логико-когнитивная деятельность, т.е. выражение мыслей с помощью средств конкретного языка, натолкнул нас на мысль о необходимости исследования языковых и речевых маркеров конфликтного дискурса на основе когнитивных и коммуникативных позиций в рамках логико-когнитивной парадигмы. Это значит, опираясь на его прагматическое воздействие. Исходя из выдвигаемой нами гипотезы, мы вслед за Е. В. Кейдер возьмем за основу следующее определение конфликтного дискурса – «конфликтный дискурс – коммуникативный акт, содержащий амбивалентный характер, взаимодействие людей с различными принципами, доказывающими друг другу свою позицию, расхождение оппонентов в понимании другой точки зрения. В связи с этим возникает антипатия оппонентов, которая приводит к оскорблениям друг друга» [4, с. 487].

Проанализировав эмпирический материал, мы пришли к выводу о том, что конфликтный дискурс отличается рядом маркированных лексем на языковом уровне. Речь идет о лексическом пласте, в содержании которого, как полагает С. С. Сергеева, прослеживается отрицательная коннотация и который имеет максимальную разнородность, как в смысле субъектов его порождающих, так и в смысле алогичности, несвязности своих внутренних частей или кусков [5]. Отсюда следует, что для определения конфлик-

тогенности текста необходимо обратиться к его лингвистическому исследованию, как на языковом уровне, так и на речевом уровне.

Несомненно, что изучение особенностей конфликтного дискурса на лексическом уровне невозможно без обращения к когнитивным категориям в рамках лингвопрагматики, где учитываются все стороны речевой коммуникации, а именно: субъект речи (говорящий); адресат; ситуация общения; взаимодействие; коммуникативные установки и цели адресанта; стратегии, речевые тактики, используемые говорящим; речевые жанры, используемые авторами и прочие.

Итак, предметом нашего исследования является лексический пласт, встречающийся наиболее часто в конфликтном дискурсе, а именно – инвективные лексемы. Термин «инвективная лексика» произошел от слова «инвектива» (англ. *investive* – обличительная речь, брань) – культурный феномен социальной дискредитации субъекта посредством адресованного ему текста, а также устойчивый языковой оборот, воспринимающийся в той иной культурной традиции в качестве оскорбительного для своего адресата, а также выражающий вербальную агрессию.

Г. В. Кусов отмечает, что в узком смысле оскорбление – «это правовая норма, реализующая этносоциальное содержание концепта «оскорбление» в рамках его юридических свойств, которые приобрели форму правового запрета» [6]. Оскорбление подразумевает создание негативного образа лица, умаление его положительных качеств путем применения оскорбительной лексики в его адрес. Таким образом, инвективная лексика представляет собой устойчивый языковой оборот, воспринимающийся в той иной культурной традиции в качестве оскорбительного для своего адресата.

Как утверждает О. В. Саржина в своей работе «Функции инвективной лексики в высказывании», для оскорбления необходима «умышленность оскорбления». Однако далее ученый размышляет о том, что «наиболее спорным и трудно доказуемым является наличие в акте оскорбления умышленности данного оскорбления» [7].

Оскорбление может быть выражено в вербальной и невербальной (письменной) формах. С юридической точки зрения инвективная (оскорбительная) лексика – это слова и выражения, заключающие в своей семантике, экспрессивной окраске и оценочном компоненте содержания интенцию (намерение) говорящего или пишущего унижить, оскорбить, обесчестить, опозорить адресата речи, обычно сопровождаемое намерением сделать это в как можно более резкой и циничной форме. Отсюда следует, что инвективная лексика, как правило, интенционально направлена на умышленное унижение адресантом адресата в коммуникативном акте, где дается отрицательная оценка личности и, таким образом, контрастирует с нормами, принятыми в обществе. Исходя из вышеизложенного, цель нашего исследования заключается в лингво-прагматической интерпретации инвективной лексики, под которой мы подразумеваем логико-когнитивные речевые образования.

По факту оскорбления личности в конфликтном дискурсе обычно выделяют следующие разряды инвективной лексики: ругательную, нелитературную (жаргонизмы, диалектизмы); обесценную (запретную, табуированную); литературные слова, употребляемые в оскорбительном иносказательном смысле; грубопросторечную лексику.

Классификация лексики по степени инвективности весьма затруднительна, однако необходима. Выделение слов с негативной оценкой со значением иронии, неодобрительности, презрительности, грубости и бранности прослеживается в соответствующих пометах в толковых словарях русского языка. В словаре русского языка С. В. Ожегова, например, выделяются «пометы, указывающие стилистическую характеристику слова: «презр.», т. е. презрительное, «неодобр.», т. е. неодобрительное, «пренебр.», т. е. пренебрежительное, «шутл.», т. е. шутливое, «ирон.», т. е. ироническое, «бран.», т. е. бранное» [8]. Такая лексика называется стилистически маркированной, и ее применение ограничено. Она частично содержится в словарях и не всегда помогает определить

инвективность исследуемых слов. В этом смысле существует проблема в определении лексики того или иного языка как инвективной, поскольку нет четкого разграничения и принадлежности помет к определенной лексике, тем более маркированность лексического словаря минимальна (не все слова характеризуются по своему употреблению).

Пометы разных словарей зачастую не совпадают друг с другом, по причине чего возникают трудности, например, при проведении лингвистической экспертизы текстов. Следует отметить, что часть инвективной лексики сознательно не включается в словарь, но именно такая лексика часто бывает источником языко-правовых конфликтов. Тем не менее, основной вопрос отражения инвективных средств языка в словарях заключается не в его количественном параметре, а в вопросе качества помет. На сегодняшний момент в лингводидактике все больше предпринимаются попытки создать словари, где бы был выражен пласт инвективной лексики. К примеру, Н. Д. Голев реализовал попытку классифицировать и отразить инвективную лексику в своем словаре «Юрислингвистический словарь инвективной лексики русского языка» [9].

Инвактивная лексика получает наибольшую коннотацию, непосредственно находясь в самом конфликтном тексте, нежели при ее вычленении и рассмотрении отдельно от контекста или на базе словарей отдельных языков. Для того чтобы предложить единую градацию конфликтности для всех разновидностей национальных языков, необходимо учесть ряд характеристик как этического, так и лингвистического содержания.

По факту оскорбления личности в конфликтном дискурсе обычно выделяют следующие разряды инвективной лексики: ругательную, нелитературную (жаргонизмы, диалектизмы); обесценную (запретную, табуированную); литературные слова, употребляемые в оскорбительном иносказательном смысле; грубопросторечную лексику. Мы согласны с позицией Т. А. Гридиной и В. С. Третьяковой, которые считают, что при

анализе языковых и речевых сущностей целесообразно учитывать «более широкий социально-психологический контекст, что невозможно без обращения к когнитивным категориям» [10]. Данный постулат, видимо, можно объяснить тем, что подобные слова в силу логико-понятийной природы их денотатов (обозначаемых ими лиц) в самом номинативном (основном) значении имеют

уже негативную оценку, оставаясь все же в рамках констатирующей семантики.

В основу проводимого нами исследования положен рабочий тезис о том, что в конфликтном дискурсе инвективная лексика используется умышленно, чтобы подчеркнуть отрицательные стороны одного из коммуникантов. Приведем пример шаблонного искового заявления об оскорблении.

ЗАЯВЛЕНИЕ об оскорблении

16 января 2021 г. в 14.30 я вышла из подъезда дома 101 корп.1 по ул. Будапештской, где я проживаю, с целью совершения ежедневной прогулки на свежем воздухе со своим малолетним сыном Степаном. В это время мой сосед из квартиры № 985 того же дома Жучков Порфирий Прохорович подъехал к подъезду и припарковался на тротуаре, перегородив своей машиной съезд с пандуса. Так как мой сын Степан находился в коляске, я попросила Жучкова переставить машину и освободить съезд с пандуса, чтобы я могла спустить коляску, указав ему, что тротуары существуют для людей, а не для машин. На это Жучков Порфирий Прохорович вместе с его супругой Жучковой Анфисой Петровной, вышедшей из машины, стали оскорблять меня, унижая мою честь и достоинство. Жучков обозвал меня женщиной с пониженной социальной ответственностью с избыточной массой тела, а Жучкова назвала меня самкой собаки потрепанного вида.

Считаю, что Жучковы совершили в отношении меня правонарушение, предусмотренное ст. 5.61 Кодекса РФ об административных правонарушениях.

Свидетелем данного эпизода была пенсионерка Огурцова Антонина Степановна, проживающая в квартире № 991 того же дома. Также данный эпизод мог попасть на запись камеры наружного наблюдения, расположенной на подъезде.

На основании вышеизложенного, в соответствии со ст. 28.4. Кодекса РФ об административных правонарушениях прошу возбудить дело об административном правонарушении по факту оскорбления меня, Коровкиной Глафиры Игнатьевны, соседями Жучковым П. П. и Жучковой А. П.

17 января 2021 г.

Коровкина /Г. И. Коровкина/

В данном заявлении используются инвективы с отрицательной коннотацией, несомненно, оскорбляющие физические и психологические качества истицы и представляющие собой субъективные оценочные логемы.

Проанализировав эмпирический материал, основанный на логико-когнитивном анализе, коммуникативно-прагматическом анализе и дискурс-анализе, а также на методе ассоциативного эксперимента, мы предлагаем следующую парадигму классификации инвективной лексики, наиболее часто употребляемую как оскорбление в речевой коммуникации и извлеченную из средств массовой информации и интернет-источников:

1. Зоосемантические инвективы-метафоры и инвективы-фразеологизмы, отсылающие к названиям животных: выдра, хомяк, бегемот, носорог, стервятник, баран, козел, овца, свинья, волк, корова, коза, осел, собака, индюк, гиена, заяц, змея, кобра, скунс, бык, овчарка, пес, крыса, ворона, обезьяна, орангутанг, мартышка, попугай, павлин, петух, курица, макака, скотина, лошадь, конь и др.

Наблюдения над языковым материалом показывают, что с этимологической точки зрения, т. е. происхождения, зооморфизмы обычно представлены метафорами и фразеологическими единицами, включающими анималистическую сему сравнения. Мета-

форизация при использовании зооморфизмов позволяет повысить эмоциональную оценку и воздействие на адресата.

Например, известно, что в прессе Уинстона Черчилля называют английским бульдогом с сигарой не только за его сходство во внешности с бульдогом (*broad-mouthed*, что в переводе означает широкомордые; у Черчилля – это выступающая вперед нижняя бульдожья челюсть), но и за сравнение его характера с такими чертами характера бульдога, как: цепкость и твердость воли, а также безрассудная храбрость. Как правило, зооморфизмы подразумевают негативную окраску личности. В приведенном примере инвектива «английский бульдог» амбивалентна и имеет двойную коннотацию – отрицательную (в описании внешности) и положительную (характеристика Черчилля как искусного политика).

Или, например, заголовок статьи из «Комсомольской правды» – «Свиньи и придурки мировой экономики». В заголовке представлена, как зоосемантическая, так и экспрессивно-оценочная группа инвективной лексики. Употребленные инвективы использованы автором умышленно, видимо, для привлечения большего количества читателей.

Приведем еще один пример. В интервью «Экспресс-газете» экс-ведущий шоу «Битва экстрасенсов» Марат Башаров назвал своего бывшего коллегу по проекту – иллюзиониста Сергея Сафронова – крысой: «Как я должен поддержать человека, который оказался крысой? Сергей [после своего ухода] поливал грязью меня и наших коллег. За что?» [11].

Если рассматривать этимологически слово «крыса», то оно в презрительной форме ассоциируется с людьми, которые не показывают до определенного момента свою истинную натуру. В приведенном примере инвектива «крыса» используется адресатом несколько раз, а ее смысл раскрывается в логической цепочке последующих асерторических логем. В данном случае инвектива имеет негативно-оценочную интенцию.

2. Инвективы-глаголы с отрицательной коннотацией. К данной группе относятся

оценочные лексемы с острой экспрессивной окраской, обозначающие непристойное поведение, свойства кого-либо или чего-либо: надуть, заморочить, спереть, стянуть, стащить, облапошить, тырить, коммуниздить, зажилить, зажрать, своровать, нахапать, навариться, выцыганить и др.

Например, недавно в издании «Собеседник» было опубликовано интервью певицы Анастасии по поводу нелестных высказываний певицы Вики Цыгановой после их участия в телепроекте «Суперстар! Возвращение» на канале НТВ. Цыганова выбыла из конкурса, назвав жюри фриками, на что Анастасия ответила, что та выцыганивала себе оценки.

3. Экспрессивно-оценочные инвективы. К ним мы относим слова, содержащие в своей коннотации негативную оценку личности: гадина, сволочь, дурак, дрянь, подлец, грубиян, лицемер, трус, наглец, подонок, хам, нахал, убийца, вор, коммунажи и др.

Например: *President Biden told that he agreed Russian President Vladimir Putin is a «killer» and will pay a price for interfering in U.S. elections* [12].

В своем интервью 17 марта 2021 года телеканалу ABC президент США Джо Байден в прямом эфире оскорбил президента РФ Путина, назвав его «убийцей, который заплатит сполна за вмешательство в выборы США».

4. Инвективы-эвфемизмы, сохраняющие негативную коннотацию: путана, женщина легкого поведения, представительница самой древней профессии, ночная бабочка, бомж, человек нетрадиционной ориентации, трансгендер и др.

Приведем пример из французского издания «Faites @ documents», который известен тем, что публикует конспирологические теории.

«*Brigitte Macron, the wife of the French president, has launched legal action over a conspiracy theory that claims she was born male (Brigitte Macron «transsexuelle» or «transgenre»).* The virulent fake news dates back to March but has spread over social media over the past two months. It claims Brigitte

Macron, who has three children from a first marriage, was born Jean-Michel Trogneux. Her lawyer, Jean Ennouchi, confirmed to AFP earlier this week that «she has decided to initiate proceedings, it is underway» [13].

Речь идет о статье «Et si c'était un homme?» («А если бы это был мужчина?»), опубликованной в издании «Факты и документы» журналисткой Наташей Рей, о распространении трансфобных слухов о том, что жена президента Франции Брижит Макрон является трансгендером с рождения и провела операцию по смене пола. Скандал, разгоревшийся еще в марте, накалился опять. Брижит Макрон подала заявление об оскорблении в правоохранительные органы Франции.

5. Инвективы-профессионализмы: мент, гиббон, мусор, легавый, поломойка, училка, слесарщик 3 разряда, писака, журналюга, актеришка, певичка и др.

В концепте данной группы инвектив заключена отрицательная оценка практики действий, нравов, устоев кого-либо, сопровождаемая экспрессивной окраской, т. е. оскорбление лица по профессиональному признаку. Приведем цитату из статьи «Актеры: всегда были презренные шуты, а ныне – «элита», блин»: «Вот читаю ленту, и только ленивый не пишет о каком-нибудь актеришке или актрисульке» [14].

В статье, даже в ее названии, для эмоциональной окраски журналист умышленно несколько раз употребляет инвективные фразы, которые обладают негативной коннотацией, представляют собой субъективно-оценочные асерторические логемы, оскорбляющие людей актерской профессии.

6. Инвективы, отождествляемые с историческими личностями, современными деятелями, литературными, сказочными и мифологическими героями: Баба Яга, Цербер, Иуда, Собакевич, Молчалин, Плюшкин, Горыныч, Кикимора, Кабаниха, Дикой, Недоросль, Иудушка, Гитлер, Медуза Горгона, Циклоп, Кощей, Леший, Бармалей, Карабас Барабас, Дуремар, Соловей-разбойник и др.

Подобные слова в силу логико-понятийной природы их денотатов (обозначае-

ими лиц) в самом номинативном (основном) значении имеют уже негативную оценку.

Например, Роберт Мугабе, будучи президентом африканского государства Зимбабве, выступая в Риме на заседании одной из структур ООН, сравнил бывшего президента США Джорджа Буша и бывшего премьер-министра Великобритании Тони Блэра с Гитлером и Муссолини. Для придания образности Роберт Мугабе использовал ставшие уже нарицательными имена Гитлера и Муссолини, которые знамениты своей жестокостью, истеричностью, нелестными поступками, желанием доминировать над всеми державами. В свою очередь во время своего пребывания у власти британский премьер Тони Блэр также был замечен в использовании инвективной лексики. Так, он неоднократно в своем спиче использовал инвективы, а именно: нецензурные прилагательные, начинающиеся на букву «F» [15] и направленные в адрес валлийцев. В данном примере мы видим употребление обесценной (табуированной) лексики в речевой коммуникации.

Как показывает исследование инвективной лексики в диахроническом плане (термин «диахрония» происходит от греч. *dia* – через, сквозь и *chronos* – время), т. е. изучения развития языка, отдельных языковых фактов и системы языка в целом в историческом аспекте, люди начали оскорблять друг друга с той поры, как в языке появились бранные слова.

7. Инвективы, обозначающие предметы домашнего быта и обихода: чайник, швабра, тряпка, кочерга, метла, мочалка, лентяйка, пробка, шкаф, сундук, башмак, топор, шпингалет, кнопка, кастрюля, шланг, крючок, валенок, лапоть и др.

Например, лидер ЛДПР назвал заместителя руководителя фракции КПРФ Николая Коломойцева «ростовским валенком» и заявил, что тот должен «помолчать», после чего предложил лишить его мандата [16].

При переносном, метафорическом употреблении такого рода выражение приобретает пейоративную (осуждающую), инвективированную экспрессию и явно не-

гативную оценку, общественно осознаваемую и реально воспринимаемую адресатом как оскорбительную.

8. Использование устойчивых слов и выражений разговорного языка с негативной, неуважительной оценкой: глаза бы не глядели, только через мой труп, в гробу я его видел в белых тапочках, чтоб ты подавился, жирно не будет?, конь педальный, глиста в скафандре, хам, морда, рожа, тля и др.

Приведем пример из статьи «Совесть нации» или предатели? Наши актеры, которые критикуют Россию», опубликованной в издательстве «Newsland». В данной статье упоминается высказывание актера Алексея Серебрякова о том, что национальной идеей в России является хамство. Мнение Алексея Серебрякова разделяет другой актер, иммигрировавший в Испанию Алексей Панин, в речи которого используется цепочка инвектив с отрицательной коннотацией, имеющая своей целью оскорбить российских граждан: «Я абсолютно подписываюсь под всем, что говорит Серебряков. Наглость, хамство и сила, но я бы сказал, что это быдлосила. Не сила духа, не воли и культуры, а именно быдлосила. Вы посмотрите на лица людей, с какими рожами они ходят по улице... Страна хамов» [17].

В приведенном конфликтном дискурсе инвективы связаны между собой проспективно-ретроспективными, квалификативно-оценочными отношениями.

9. Инвективы-термины, в которых превалирует медицинская терминология: шизофреник, истеричка, дебил, психопат, псих, идиот, инфантильный, карлик, гриппозник, антибиотик, чахоточный, труп, невростеник, контуженый.

Например, бывший сенатор-республиканец Джон Маккейн назвал тоже бывшего пресс-секретаря Белого дома Джоша Эрнеста «идиотом» после его слов о том, что Штатам не следует «рвать на себе волосы» после каждой неудачной операции против боевиков [18].

В семах приведенных инвектив (инвектива-термин и инвектива-глагол с отрицательной коннотацией) негативная оценка

личности имеет яркий экспрессивный характер, однако употребление данных лексем остается в пределах литературного языка.

10. Инвективы-фразы, носящие унизительный характер: чем выше вы, тем дальше падать; закройте рот, а то ваш блестящий ум мне глаза слепит; ноль без палочки; ум ниже табуретки; интеллектуальное дно; с вашим IQ только в Дом-2; где вы, а где я?!; пятая точка вместо головы; аппендицит нашей группы; IQ как у амебы и др.

Так, например, в своем интервью скандально известный спортивный комментатор Дмитрий Губерниев, вступивший в словесную баталию с олимпийским чемпионом Александром Тихоновым, использовал такие инвективы, как «нерукопожатная персона, фуфло, жалкая ничтожная личность» [19].

Инвективы, относящиеся к данной группе, в большинстве случаев представлены окказиональными словосочетаниями, построенными на каламбуре и введенными в текст с интенцией принизить авторитет адресанта, указать на неприятие его поведения.

11. Инвективы-сравнения: глиста, червяк, амеба, прыщ, бородавка, пиявка, гнида, молекула, микроб, сопля, заноза, щепка, насекомое, метр с кепкой и др.

Приведем пример. Российский боец ММА Сергей Харитонов в своем комментарии в газете «Спорт-Экспресс» негативно высказался о проигрыше Александра Емельяненко в поединке против бразильца Марсио Сантоса, назвав его «клопом, тараканом, которому поднаступили на одно место» [20].

12. Инвективы-табу (обесценная лексика, т. е. табуированная лексика, нецензурная лексика). Отметим, что при анализе языкового материала мы встретились с подобного рода инвективами, в том числе и в заявлениях об оскорблении. Обычно использование обесценной лексики свойственно людям с низким социальным статусом, хотя в последнее время в СМИ все чаще встречаются примеры из речей чиновников. Так, например, недавно в СМИ попала аудиозапись одного из должностных лиц: «Я сам, наверное, инициирую вызов для вас в центральную аттестационную комиссию для рассмотрения

вопроса о занимаемой должности. Раз вы ни ... не понимаете в этом вопросе!» [21].

Следует отметить, что во всех приведенных примерах инвективы представляют собой ментальные речевые доминанты в тема-рематическом развертывании конфликтного дискурса. Они не существуют в речевой коммуникации изолированно, а коррелируют с другими лексемами в дискурсе, аккумулируя определяющие элементы содержания речевой коммуникации. Таким образом, они являются смысловыми скрепами в проспективном, ретроспективном, проспективно-ретроспективном и ретроспективно-проспективном плане его реляционной структуры.

Итак, исследование лексического пласта конфликтного дискурса показывает, что, как правило, в нем превалирует инвектив-

ная лексика. Инвективная лексика содержит оскорбительную интенцию, проецируемую на унижение чести и достоинства того или иного коммуниканта. Наибольшее количество инвективной лексики отмечается в разряде зоосемантических фразеологизмов и метафор, отсылающих к названиям животных. С точки зрения смысловой потенции инвективы представляют собой логико-речевые образования, которые, с одной стороны, являются формами мыслительного процесса, т. е. ментальными доминантами, а с другой стороны – формами речевой коммуникации. На основании данного умозаключения мы пришли к выводу, что при проведении лингвистического анализа конфликтного дискурса необходимо корректно интерпретировать коннотацию инвективной лексики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. М.: Наука, 2003. 338 с.
2. Кубрякова Е. С., Александрова О. В. О контурах новой парадигмы знания в лингвистике // Структура и семантика художественного текста. М., 1999. С. 195–196.
3. Петрова Е. А. Логико-когнитивная интерпретация субстантивно-номинативных пропозем в диктемной дискурсивации: дисс... д-ра филол. наук. Уфа, 2012. 416 с.
4. Кейдер В. Е. Понятие конфликта и конфликтного дискурса // Молодой ученый. 2019. № 24 (262). С. 486–488.
5. Сергеев С. С. Аналитика конфликтного текста // Глобализации я и социальные изменения в современной России: тезисы докладов и выступлений на Всероссийском социологическом конгрессе. Т. 15. М.: Альфа. М, 2006.
6. Кусов Г. В. Оскорбление как иллокутивный лингвокультурный концепт: автореф. дис...канд. филол. наук. Волгоград, 2004. 27 с.
7. Саржина О. В. Функции инвективной лексики в высказывании (на примере инвективных имен лица) / Юрислингвистика-6. Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та, 2005.
8. Ожегов С. И. Словарь русского языка. М., 2007. 1200 с.
9. Голев Н. Д., Головачева О. В. Юрислингвистический словарь инвективной лексики русского языка / Юрислингвистика-6: Инвективное и манипулятивное функционирование языка / под ред. Голева Н. Д. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2005. С. 123–130.
10. Гридина Т. А., Третьякова В. С. Принципы лингвокогнитивного анализа конфликтного высказывания / Юрислингвистика-3: Проблемы юрислингвистической экспертизы: межвуз. сб. научных трудов / под ред. Голева Н. Д. Барнаул, 2002.
11. Экспресс-газета. URL: <https://www.eg.ru/showbusiness/1519222> (дата обращения: 04.01.2022).
12. ABC. URL: <https://gma.abc/3txtF8Ce> (дата обращения: 20.01.2022).
13. Faites @ documents. URL: <https://www.euronews.com/2021/12/23/brigitte-macron-taking-legal-action-over-transgender-conspiracy-theory> (дата обращения: 20.01.2022).
14. Twilight. URL: <https://twilightday.livejournal.com/153285.html> (дата обращения: 04.01.2022).
15. Lenta.ru. URL: <https://m.lenta.ru/articles/2005/10/18/insult/> (дата обращения: 04.01.2022).
16. Lenta.ru. URL: <https://lenta.ru/news/2021/11/16> (дата обращения 20.12.2022). Newsland. URL: <https://newsland-com.turbopages.org/newsland.com/s/community/8211/content> (дата обращения: 05.01.2022).

17. РИА Новости. URL: <https://ria.ru> (дата обращения: 05.01.2022).
18. Спорт КП. URL: <https://sportkp.ru> (дата обращения: 05.01.2022).
19. Спорт-экспресс. URL: <https://sport.rambler.ru/mma/47779630> (дата обращения: 05.01.2022).
20. Life. URL: <https://life.ru/p/1198045> (дата обращения 03.01.2022).

© Петрова Е. А.

УДК 811.161.1'276.6:34(091)

Л. В. ПОПОВА, доцент кафедры филологии Миасского филиала Челябинского государственного университета, кандидат филологических наук, доцент (г. Миасс)

L. V. POPOVA, associate professor of the chair of philology of Miass branch of Chelyabinsk State University, candidate of philological sciences, doцент (Miass).

ПРЕСТУПЛЕНИЕ КАК ИМЯ КОНЦЕПТА В ИСТОРИИ РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА

CRIME AS A CONCEPT NAME IN THE HISTORY OF THE RUSSIAN LANGUAGE PICTURE OF THE WORLD

Аннотация. В статье проанализирована структура концепта «преступление» в русской языковой картине мира XI–XIX вв. Изучены данные лингвокультурологических и историко-лингвистических словарей. Сопоставлены способы языковой репрезентации концепта в юридических и неюридических текстах. Рассмотрены особенности использования терминов «преступление», «преступник» в памятниках русского права. Показана роль номинаций «обида», «лихое дело», «злодейство», «воровство», «погрешение» как репрезентантов концепта «преступление». С помощью древнерусского и основного корпусов Национального корпуса русского языка получены статистические данные о функционировании различных имен концепта «преступление» в диахронии. В результате исследования определены этапы эволюции концепта «преступление». Выявлено несоответствие современного и исторического ядра концепта. Констатируется позднее формирование имени концепта «преступление» в русской языковой картине мира. Сделан вывод об исторической сложности структуры концепта «преступление», его связи с константами русской языковой картины мира.

Ключевые слова и словосочетания: имя концепта, концепт «преступление», правовое лингвосознание, юридический термин, юридический язык, ядро концепта, языковая картина мира.

Annotation. The structure of the concept «crime» in the Russian language picture of the world in the 11th–19th centuries analyzed. The data of linguo-culturological and historical-linguistic dictionaries have been studied. The ways of language representation of the concept in legal and non-legal texts are compared. The peculiarities of using the terms «crime», «criminal» in the monuments of Russian law are considered. The role of the nominations «resentment», «dashing deed», «villainy», «theft», «sin» as representatives of the concept «crime» is shown. With the help of the Old Russian and the main corpus of the National Corpus of the Russian language, statistical data on the functioning of various names of the concept «crime» in diachrony were obtained. As a result of the study, the stages of the evolution of the concept «crime» are determined. The discrepancy between the modern and historical core of the concept is revealed. The later formation of the name of the concept «crime» in the Russian language picture of the world was stated. The conclusion about the historical